

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА

Статья посвящена актуальной теме – проблеме взаимодействия языков и культур. В ней рассматриваются вопросы о функционировании русского языка в странах СНГ (в частности в Казахстане), о взаимовлиянии языков и особенностях употребления русского языка вне исконной территории (России), о “норме переходного периода”. А также излагается материал о национальной языковой картине мира писателя-билингва, образованной в результате “наложения” языков (в данном случае – русского и казахского); для иллюстрации приведены примеры из художественных произведений современных писателей Казахстана.

Статья адресована лингвистам, преподавателям, студентам, магистрантам гуманитарных вузов, а также всем, кто интересуется русским языком.

Введение

Собственно лингвистический аспект национальной языковой картины мира (далее – ЯКМ) предполагает прежде всего исследование взаимодействия двух языков (в нашем случае – русского и казахского), установление их социолингвистического статуса с учетом функционирования их в определенных ареалах, в том числе и за пределами исторически исконных своих территорий. В этом отношении судьба русского языка чрезвычайно показательна, поскольку в ней представлена история взаимодействия разных культур, разных видений мира. И это взаимодействие оказало решающее влияние на индивидуально-авторскую ЯКМ писателя-билингва, создающего свои художественные произведения на русском языке. На данном языке передается особая инациональная культура, и она связана с историей функционирования русского языка за пределами своей исконной территории (России), т.е. в нынешних странах СНГ.

Основная часть

Проблема функционирования русского языка в независимых государствах – бывших республиках СССР – стала в последние годы одной из самых актуальных, теоретически и практически значимых в русистике и общем языкознании. Этой проблемой занимаются прежде всего социолингвисты, исследующие языковую ситуацию в странах СНГ в связи с изменением статуса русского языка и признанием национального языка в качестве государственного. В такой ситуации русский язык на территории СНГ становится особой подсистемой (функциональной разновидностью) современного русского литературного языка, существенно меняющей и характер отдельной языковой личности. Специфика такой подсистемы языка, существующей за пределами своей этнической территории (России), определяется прежде всего характером языковых контактов. Не вызывает сомнения необходимость комплексного исследования состояния русского

языка в различных регионах его функционирования (в современной русистике принято говорить о ближнем и дальнем зарубежье). Следует согласиться с теми авторами, которые считают, что русский язык не только один из предметов контрастного изучения, а самостоятельный объект исследования с учетом экстралингвистической реальности, обуславливающей особенности функционирования русского языка в других странах (см. работы: В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, А. Вежбицкой, Б.М. Гаспарова, В.В. Колесова, Л.П. Крысина, В.И. Постоваловой, Б.А. Серебренникова, Н.В. Уфимцевой, Б.Х. Хасанова, М.М. Копыленко, Э.Д. Сулейменовой, З.К. Ахметжановой, У.М. Бахтикереевой, А.К. Жумабековой, Е.А. Журавлевой, Д.Д. Шайбаковой и др.).

Эти особенности определяются прежде всего социолингвистическими факторами: изменение статуса языка, переоценка его коммуникативных возможностей, формирование нового типа языковой ситуации под влиянием языковой политики, проводимой в том или ином регионе и др. Таким образом, функционирование русского языка в странах СНГ – проблема, прежде всего, социолингвистическая, поскольку такие аспекты, как соприкосновение русского и национального (получившего статус государственного) языков как проявление взаимодействия двух культур и межкультурной коммуникации, билингвизм и речевое поведение билингов в определенных социальных ситуациях, отражение национальной ментальности в языковой концептуализации действительности и др., предполагают непреходящий учет всех социальных процессов, происходящих в обществе. Собственно лингвистический статус русского языка (в частности, считать ли его каким-то особым региональным вариантом или функциональной разновидностью общелитературного языка и т.п.) во многом определяется особой лингвистической ситуацией, которую принято формулировать как “речевое общение в условиях языковой неоднородности”. Понятно, что степень такой неоднородности и влияние ее на выбор того или иного языкового кода определяются социальными и ситуативными условиями, при которых осуществляется речевая коммуникация. По отношению к функционированию русского языка в странах СНГ, в частности в Казахстане, наиболее типичны такие ситуации: 1) говорящие владеют каждый своим языком и языком-посредником, т.е. языком межнационального общения, в качестве которого обычно выступает не третий язык, а один из двух первых (такова роль русского языка в нынешних странах СНГ); 2) говорящие владеют двумя общими языками, один из которых осознается ими как родной; общение может происходить то на одном, то на другом языке. Третий тип языковой ситуации, характерный, например, для Казахстана, Л.П. Крысин определяет следующим образом: “Один из коммуникантов, помимо своего родного языка (L-1), владеет языком собеседника (L-2), в то время как собеседник не знаком с языком (L-1) или владеет им недостаточно; речевое общение может осуществляться, естественно, только при помощи L-2: ср., например, общение русских и представителей коренных национальностей в республиках бывшего СССР (в большинстве случаев русские плохо владеют языком коренной национальности – таджикским, узбекским, киргизским, литовским, латышским, эстонским и др., – и поэтому речевое общение между русскими и носителями этих языков часто происходит по-русски)” [1, с. 3-4].

Как известно, норма, помимо своего объективного, имеет и субъективный аспект, когда в определенной сфере использования языка происходят заметные изменения в норме, которые определенной частью представителей соответствующей субкультуры воспринимаются как недопустимые случаи использования языка в речевой деятельности, т.е. как проявления “бескультурия”, “падения языковой культуры”, “нарушения нормы” и т.п. Подобное состояние языковой культу-

ры Н.И. Гайнуллина точно определила понятием “норма переходного периода” [2, с. 5]. Применительно к рассматриваемой нами проблеме корректнее будет говорить о резких изменениях не в языке как таковом, а в соответствующей языковой субкультуре, поскольку они не касаются кодовых и системоорганизующих основ языка (в частном случае – русского языка). Коренные преобразования и изменения, о которых идет речь, как правило, не замечаются и не осознаются носителями и “пользователями” языка, так как они проявляются лишь на уровне речевого поведения и дискурсивной деятельности, осуществляемой в соответствии с новыми нормами и узусом языковой культуры. Нечто подобное происходит и в современной русской языковой культуре и в некоторых ее субкультурах.

“Норма переходного периода” привела к совершенно новому в истории русского языка феномену, который пока не осознается как свершившийся факт, но рано или поздно о нем будут, возможно, говорить как об очевидном явлении. Речь идет о русских языковых субкультурах в бывших республиках Советского Союза. Можно, конечно, не замечать эти формирующиеся языковые субкультуры или, наоборот, утрировать их самостоятельность, однако есть некоторые основания считать, что такие языковые субкультуры уже формируются. Сравним такие понятия, как “исконный русский язык” (имеется в виду русский язык на исконной территории России), “российский вариант русского языка” (русский язык на территории нынешней России), “полиэтнический русский язык” или “полинациональный русский язык” (в рамках международного функционирования русского языка), “русский язык ближнего (дальнего) зарубежья”: “украинский вариант русского языка”, “белорусский вариант русского языка”, “русский язык Казахстана” и т.п. (см. об этом работы Б.Х. Хасанова, Э.Д. Сулейменовой, О.Б. Алтынбековой, К.М. Абишевой, Е.А. Журавлевой, Д.Д. Шайбаковой и др.). Так, по мнению Е.А. Журавлевой, учет многофункционального состояния русского языка, обслуживающего одновременно несколько национально-государственных общностей (в республиках Российской Федерации и в определенных государствах-участниках СНГ), многомерное описание его существования на протяжении XX в. представляются основанием для проникновения в сущность языковой системы современности и постижения специфики русского языка как полинационального. Характерной особенностью которого является то, что он проявляется не только в языке других этносов, использующих его в качестве родного и межнационального, но в языке этнических русских, проживающих в полиэтнических странах. Исследователь совершенно справедливо считает, что Казахстан с полным правом можно назвать живой лабораторией для изучения данной проблемы, поскольку он представляет собой уникальную социально-территориальную общность, где существуют и взаимодействуют языки разных этносов, прежде всего казахского и русского. Русский язык в Казахстане используется во всех основных общественно-политических и общественно-культурных сферах: социально-бытовом, официально-деловом, публицистическом, научном и художественном; он функционирует на уровне межнационального и межгосударственного общения. Соответствие этим параметрам и позволили ученому определить ‘русский язык Казахстана’ как национальный вариант полинационального русского языка, который “являет собой неоднородную структуру” и “характеризуется национально-территориальной вариативностью” [3, с. 12-13].

Каждый язык проявляется в виде конкретного национального языка, в котором выражается национальный дух, национальная культура народа. И как национальный язык, он тесно связан с национальным менталитетом, с национальной самобытностью народа, с языковой ментальностью, а также является сред-

ством передачи национального характера, национальных традиций и обычаев, привычек и характерных действий/поступков. Иными словами, язык того или иного народа содержит в себе национальную, самобытную систему, с помощью него определяется мировоззрение носителя языка как языковой личности, как представителя этноса и соответственно создается национальная ЯКМ. Понятно, что языковая организация этих базовых категорий, определяющая в итоге предметно-смысловую основу определенной национальной картины мира, есть не что иное, как способ понимания, осмысления мира, присущий соответствующему народу, но не более того, о чем еще писал Э. Сепир: "Не могу я признать и настоящей причинной зависимости между культурой и языком. Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают" [4, с. 193].

Исследования национальной ЯКМ помогают понять различия и сходства национальных культур, их взаимодополнения на уровне общечеловеческой культуры. Деятельность человека включает в качестве составной части и символическую, т.е. культурную составляющую, которая является одновременно и универсальной, и национально специфичной. Эти ее свойства определяют как своеобразие ЯКМ, так и ее универсальность. В связи с этим при анализе ЯКМ следует учитывать универсальные и идиоэтнические свойства языковых единиц (концепты, сравнения, символы и т.п.). Различия между языками обусловлены различием культур, которые наиболее легко эксплицированы с помощью лексических средств языка, национально-культурное своеобразие которых может проявляться не только в наличии безэквивалентных единиц, но и в лакунах, указывающих на отсутствие в данном языке слов и значений, выраженных в других языках.

В настоящее время ученые акцентируют внимание на принципе антропоцентризма, в пределах которого предусматривается исследование языка с учетом его связи с индивидуумом, его самосознанием, с его трудовой и ментальной деятельностью. Поэтому особый интерес вызывает творчество писателей инонациональной (не русской) культуры, пишущих на русском языке, так называемых русскоязычных писателей-билингвов как уникального порождения особых культурно-исторических условий XX в. Схематически это можно представить следующим образом: языковая личность русскоязычного писателя обозначается лингвистическим субъектом – L-1, а отражение им этнокультуры русского народа как представителем данного этноса – C-1, соответственно языковая личность казахского писателя – это L-2 и этнокультура казахского народа – C-2. При рассмотрении и научном осмыслении творчества писателя-билингва выявляется некая асимметрия, при которой: L-1 соотносится с C-2. При этом обнаруживается некий симбиоз языков и культур в мировидении художника слова, когда L-1 накладывается на C-2, результатом чего оказывается нечто третье, представляющее особую КМ, выражающую, соответственно, и ЯКМ, полностью не воспроизводящую ни соединение L-1+C-1, ни L-2+C-2. Нами изучается именно это «несоответствие» (негомогенность), в процессе которого происходит некое наложение, проникновение двух культур – русской со стороны средства повествования и казахской со стороны восприятия мира, так как отображается объективная действительность казахского народа. Для обозначения данного явления нами вводится понятие 'контаминированная ЯКМ писателя-билингва'.

Национальная контаминированного характера ЯКМ писателя-билингва – это особый феномен, репрезентирующий ЯКМ, в которой отображается реальная казахская действительность, особенности национального менталитета, специфика национальной культуры казахского народа, сформированная посредством

языковой ментальности, свойственной языковой личности писателя-казаха, и представленная на русском языке, выступающем для художника слова вторым родным языком.

Приведем лишь несколько фрагментов из текстов художественных произведений казахстанских писателей-билингвов, пишущих на русском языке, но, тем не менее, находящихся в «круге» национальной картины мира и мыслящих категориями казахской культуры (С-2), которую они репрезентируют средствами русского языка (L-1). Например, использование слов-наименований лиц (*ата, аксакалы, женгей, джигиты* и др.), слов-обращений, возгласов (*калкам, айналайын; бисмилла, дунияй, барекельды* и др.) без перевода и пояснений в речи повествователя или самого автора оказываются стилистически оправданными. Ср.:

Издавна существует у нас обычай помогать попавшим в беду, и этот обычай, завещанный предками... Мы поставим нашей **женгей** новый дом, лучше прежнего.

– **Барекельды**, закивали старики. Толпа одобрительно загудела. Не мешкая джигиты принялись за дело. Не остались в стороне и аксакалы. Сегодня в их кучке выделялся Садык-ата [Жаксылыков, *Окно в степь*, 1987, с. 33];

– **Айналайын**. Успокойся. Приди в себя. Умереть мне за тебя... Возьми себя в руки, **калкам**, доченька моя, – неожиданно вырвалось нежное материнское слово. Тани увидела, как вдруг вздрогнула Бакыт, замерла, не веря услышанному [Жаксылыков, *Шаг навстречу*, 1987, с. 66].

В других фрагментах казахские реалии вполне естественно вводятся писателем-билингвом путем использования приложений синкретичного характера и различных вставок-ссылок, сносок и др. Ср.: 1) Кулкай добродушно посмеивался, взглядом давая понять сидевшим вокруг: “Это же наш **ерке-баловень** Ахмет. Что с него возьмешь? Чудаки эти городские!” [Жаксылыков, *Шаг навстречу*, 1987, с. 44]; 2) Асан все так же молча отбирал куски **курта** потверже и клал их в **коржун** – войлочную переметную суму [Санбаев, *Дорога только одна*, 1974, с. 163]; 3) “**Улкен уй**”* называли ее дом (Тани) в ауле, спешили к ней за советом и стар и млад. Даже молодежь не могла отправиться в город на учебу без благословения Тани-алы, так уж повелось. В сноске указывается: *Улкен уй – большой дом (каз.) [Жаксылыков, *Шаг навстречу*, 1987, с. 47].

Приведем примеры параллельного использования казахизмов и русских эквивалентов, что в художественном дискурсе писателя-билингва вполне стилистически оправдано. Например: Повстанцы располагались в двух старых, затерявшихся в глубине барханов **кстау**. Когда-то это была, видать, неплохая **зимовка** с уместными сараями и широким двором... [Санбаев, *Дорога только одна*, 1974, с. 345].

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что художественный дискурс писателя-билингва содержит в себе национальную, самобытную систему, с помощью нее определяется мировидение, мировосприятие языковой личности художника слова (как представителя этноса), пишущего на русском языке, и соответственно создается национальная ЯКМ контаминированного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Крысин, Л.П.** Речевое общение в лингвистически и социально неоднородной среде / Л.П. Крысин // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. – М.: Наука, 2000.
2. **Гайнуллина, Н.И.** О смешанном характере русского языка и норме переходного периода / Н.И. Гайнуллина // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – № 2(74). – Алматы, 2004.

3. **Журавлева, Е.А.** Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык: АДД / Е.А. Журавлева. – Алматы: КазНУ, 2007.
4. **Сепир, Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993.

Фактический материал:

1. **Жаксылыков, А.** Окно в степь / А. Жаксылыков. – Алма-Ата: Жалын, 1987.
2. **Жаксылыков, А.** Шаг навстречу / А. Жаксылыков // Окно в степь. – Алма-Ата: Жалын, 1987.
3. **Санбаев.** Дорога только одна / Санбаев. – М.: Молодая гвардия, 1974.

Поступила в редакцию 29.04.2008 г.